Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Повесть о медном городе

Дошло до меня также, что был в древние времена и минувшие века и годы в Дамаске Сирийском царь из халифов, по имени Абд-альМелик ибн Мервая [491]. И сидел он однажды, и были у него вельможи его царства из числа царей и султанов, и начали они рассуждать о преданиях прежде бывших народов и вспомнили рассказы о господине нашем Сулеймане, сыне Дауда (мир над ними обоими) и о том, какую даровал ему Аллах великую силу и власть над людьми и джиннами и птицами и зверями и другими тварями, и сказали они: "Мы слышали от тех, кто был прежде нас, что Аллах

(слава ему и величие!) никому не даровал того, что даровал он господину нашему Сулейману, и что достиг Сулейман того, чего не достиг никто: он даже заточал джиннов, маридов и шайтанов в кувшины из меди, которые заливал о к свинцом и припечатывал своей печатью..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Абд-аль-Мелик ибн Мервая беседовал со своими помощниками и вельможами своего царства, и вспоминали они господина нашего Сулеймана и власть, дарованную ему Аллахом, и сказал кто-то, что он достиг того, чего не достигал до него никто: он даже заточал маридов и шайтанов в медные кувшины и заливал их свинцом и припечатывал своей печатью.

И рассказывал Талиб ибн Сахль, что некий человек ехал на корабле вместе с толпой людей, и спустились они в страны Индии и ехали не переставая, пока не поднялся против них ветер. И направил их этот ветер к одной земле из земель Аллаха великого, а было это в темноте ночи. И когда заблистал день, вышли к ним из пещер в этой земле люди черного цвета с обнаженным телом, подобные зверям и не разумевшие речи. И был у них царь их же породы, и никто из них не знал по-арабски, кроме их царя. И когда увидели они корабль и тех, кто был на нем, царь вышел к ним в толпе своих приближенных и приветствовал их и сказал им: "Добро пожаловать!" - и спросил их, какой они веры, и путники рассказали ему о себе, и царь молвил: "С вами не будет дурного!" А когда они спросили их об их вере, каждый из них исповедовал одну из религий, которые были раньше появления ислама и прежде посольства Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!), и ехавшие на корабле сказали: "Мы не знаем, что ты говоришь, и не ведаем ничего о пере".

И сказал им тогда царь: "Не проникал к нам никто из сыновей Адама прежде вас", - и затем он угостил их мясом птиц и животных и рыбой, а у них не было другой еды, кроме этой. И потом люди, бывшие на корабле, пошли гулять по этому городу, и увидели они, что один рыбак опустил сеть в море, чтобы ловить рыбу, и вытянул ее, и вдруг в ней оказался кувшин из земли, залитый свинцом и запечатанный печатью Сулеймана, сына Дауда (мир с ними обоими!). И рыбак вынул кувшин и разбил его, и стал выходить оттуда синий дым, который достиг облаков небесных, и послышался ужасающий голос, говоривший: "Прощение, прощение, о пророк Аллах!" И превратился этот дым в существо ужасного вида и устрашающего облика, голова которого доходила до вершины горы, а затем оно скрылось с глаз. Что же касается до ехавших на корабле, то у них едва не оторвалось сердце, а чернокожие - те и не задумались об этом. И вернулся один человек к царю и спросил его об этом, и молвил царь: "Знай, что это один из джиннов, которых Сулейман ибн Дауд, когда гневался на них, заточал в такие кувшины и заливал их свинцом и бросал в море, и когда рыбак закидывает сеть, он большею частью вытаскивает такие кувшины, и если их разбить, из них выходит джин. И является ему мысль, что Сулейман жив, и кается он и говорит: "Прощение, о пророк Аллаха!"

И подивился повелитель правоверных Абд-аль-Мелик ибн Мерван подобным речам и воскликнул: "Хвала Аллаху! Дарована Сулейману власть великая!"

А был среди тех, кто присутствовал на этом собрании, ан-Набига аз-Зубьяни [492], и сказал он: "Правду говорил Талиб в том, что он рассказал, и указывают на это слова Первого мудреца:

А вот Сулейман, когда сказал его бог ему:

"Восстань и халифом будь и правь ты с усердием!

И тех, кто покорен, ты почти за покорность их,

А тех, кто отверг тебя, навеки ты заточи".

И он сажал их в медные кувшины и бросал в море". И нашел повелитель правоверных эти речи прекрасными и воскликнул: "Клянусь Аллахом, поистине, хочу я увидеть какой-нибудь из этих кувшинов!" И сказал ему тогда Талиб ибн Сахль: "О повелитель правоверных, ты можешь это сделать, оставаясь в твоей стране. Пошли к брату твоему Абд-аль-Азизу ибн Мервану приказ, чтобы он доставил их тебе из страны запада. Пусть напишет Мусе, чтобы отправился он в страны запада, к той горе, о которой мы упоминали, и принес тебе кувшины, которые ты требуешь. Отдаленнейший конец его страны примыкает к этой горе".

И одобрил повелитель правоверных его мнение и сказал: "О Талиб, ты был прав в том, что говорил, и хочу я, чтобы ты был моим послом к Мусе ибн Насру с этим делом. Тебе будет белое знамя и какие хочешь богатства и почет и прочее, и я тебе преемник для твоей семьи". - "С любовью и удовольствием, о повелитель правоверных", - ответил Талиб. И халиф молвил: "Ступай, с благословения Аллаха великого и с помощью его!"

И затем приказал он, чтобы написали письмо его брату Абд-аль-Азизу, наместнику в Египте, и другое письмо к Мусе, наместнику его в странах запада, с приказанием, чтобы отправился Муса лично искать Сулеймановы кувшины и оставил своего сына правителем в стране и чтобы взял он с собой проводников и расходовал деньги и набрал побольше людей, и пусть не допускает он в этом промедления и не отговаривается доводами. И халиф запечатал оба письма и отдал их Талибу ибн Сахлю и велел ему торопиться. И он поставил знамена над его головой и дал ему денет и людей, конных и пеших, чтобы были они ему помощниками в его пути, и приказал назначить на содержание его дома все, что нужно.

И выступил Талиб, направляясь в Египет..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Халиб ибн Сахль и его товарищи выступили из Сирии, пересекая страны, и вошли в Египет. И встретил Талиба эмир Египта и поселил его у себя и оказывал ему величайшее уважение, пока он пребывал у него, а затем он послал с ним проводника в Верхний Египет, и прибыли они к эмиру Мусе ибн Насру. И, узнав об Этом, эмир вышел к нему и встретил его и обрадовался ему, и Талиб подал ему письмо, и Муса взял его и прочел и понял его смысл и положил письмо себе на голову и сказал: "Слушаю и повинуюсь повелителю правоверных".

И затем мнение их сошлось на том, чтобы призвать вельмож его царства, и когда они явились, Муса стал их расспрашивать о том, что он увидел в письме. И вельможи сказали: "О эмир, если ты хочешь, чтобы кто-нибудь провел тебя на дорогу к этому месту, то призови шейха

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Абд-ас-Самада ибн Абд-аль-Каддуса ас-Самуди; это - человек знающий, и он много путешествовал и осведомлен о пустынях, степях и морях и их обитателях и диковинах и о землях и о странах. Призови его к себе, он проведет тебя к тому, что ты хочешь".

И эмир приказал позвать Абд-ас-Самада, и тот предстал пред ним, и оказалось, что это - глубокий старец, одряхлевший от смены годов и лет. И эмир Муса приветствовал его и оказал ему: "О шейх Абд-ас-Самад, владыка наш повелитель правоверных Абд-аль-Мелик ибн Мервая поюелел нам то-то и то-то, а я мало осведомлен об этой земле. Мне говорили, что ты знаешь эти страны и дороги.

Есть ли у тебя желание исполнить приказ повелителя правоверных?" И старец молвил: "Знай, о эмир, что это дорога крутая, далекая для отлучки, где мало проторенных путей". И спросил эмир: "Каково туда расстояние?" - "Расстояние в два года и несколько месяцев туда и столько же назад, - ответил старец, - и на этой дороге бедствия, ужасы, диковины и чудеса. А ты - человек, сражающийся с неверными, и страны наши близки от врага; может быть, христиане выступят в твое отсутствие, и следует тебе оставить в царстве кого-нибудь, кто будет им управлять". И Муса ответил: "Хорошо!" И он оставил своего сына Харуна вместо себя в своем царстве, и привел к присяге воинов ему и велел им не прекословить, а, напротив, слушаться сына своего во всем, что он им прикажет.

И воины выслушали его слова и послушались его, а был его сын Харун человеком великой ярости, доблестным вождем и неустрашимым храбрецом.

И шейх Абд-ас-Самад объяснил эмиру, что до того места, где находится то, что нужно повелителю правоверных, четыре месяца пути, и расположено оно на берегу моря, и там везде есть водопои, которые примыкают друг к другу, и есть там трава и ручьи. "Аллах облегчит нам это по благости своей, о наместник повелителя правоверных", - сказал он. И эмир Муса спросил его: "Известно ли тебе, что кто-нибудь из царей вступил на эту землю раньше нас?" - "Да, о повелитель правоверных, - отвечал шейх, эта земля принадлежала царю Искандарии, Дарану-румийцу".

И затем они отправились, и шли до тех пор, пока не достигли одного дворца, и шейх оказал: "Пойдем к этому дворцу, в котором назидание для всех, кто поучается". И эмир Муса подошел ко дворцу вместе с шейхом Абд-асСамадом и особо приближенными своими спутниками, и они достигли ворот дворца и увидели, что ворота открыты. А у ворот были высокие колонны и ступени, две из которых были особенно широкие, и были они из разноцветного мрамора, подобного которому не видано, а потолки и стены были разрисованы золотом, серебром и драгоценным сплавом. И на воротах была доска, на которой было что-то написано по-гречески, и шейх Абд-ас-Самад спросил: "Прочитать ли мне это, о эмир?" - "Подойди и прочитай, да благословит тебя Аллах! Нам досталось добро в Этом путешествии только по твоей благости!" - ответил эмир Муса. И шейх прочитал надпись, и вдруг это оказались такие стихи:

"...И люди те - что после деяний их

Оплаканы и власть свою бросили.

А вот дворец - последнюю даст он весть

О тех царях, что все в земле собраны.

Сгубила их, их разлучив, злая смерть,

Во прахе все погибло, что собрано.

И кажется, что кладь они скинули

Для отдыха, но быстро вновь двинулись".

И заплакал эмир Муса, так что его покрыло беспамятством, и воскликнул: "Нет бога, кроме Аллаха, живого, сущего без прекращения!" - а затем он вошел во дворец и растерялся, увидя, как он прекрасен и хорошо выстроен. И он взглянул на бывшие там изображения и картины и вдруг увидел на других дверях написанные стихи. "Подойди, о шейх, и прочитай их", сказал эмир Муса, и шейх подошел и прочитал, и стихи были такие:

"Как много их обитало под сводам

В былые века и годы, и все ушло!

Взгляни же ты, что с другими содеяли

Превратности, когда беды сразили их.

Делили все, что собрали себе они,

Но, радости все покинув, ушли они.

Как были они одеты и ели как!

А ныне их поедает в могиле червь".

И заплакал эмир Муса горьким плачем, и пожелтел мир перед глазами его, и он воскликнул: "Поистине, мы созданы ради великого дела!" И они осмотрели дворец и увидели, что он свободен от обитателей и лишен людей я жителей, и дворы его были пустынны, и помещения его безлюдны, а посреди него стояла высокая постройка с куполом, уходящим ввысь, вокруг которой было четыреста могил. И подошел эмир Муса к этим могилам и увидел среди них могилу, построенную из мрамора, на котором были вырезаны такие стихи:

"Как часто я медлил, как часто метался,

Как много я разных людей перевидал!

Как много я съел и как много я выпил,

Как много я слышал певиц в моей жизни!

Как много запретов, как много приказов

Я дал, и как много дворцов неприступных

Подверг я осаде, потом обыскал,

И много певиц я оттуда похитил.

По только, глупец, я предел перешел,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
Пытаясь добиться того, что не вечно.

Сочтись же, о муж, ты с душою своей

Пред тем, как испить тебе гибели чашу!

Ведь скоро засыплют могильной землей

Тебя, и навеки лишишься ты жизни".

И заплакал эмир Муса и те, что были с ним, а затем он подошел к постройке, и оказалось, что у нее восемь дверей из сандалового дерева с золотыми гвоздями, и они усыпаны серебряными звездами и украшены благородными металлами и разными драгоценными камнями, и на первых дверях написаны такие стихи:

"Вое то, что оставил я, не щедростью отдано,

Но рок и судьбы закон людьми управляет.

Ведь долго я радость знал и долго блаженствовал,

Храня заповедное, как лев кровожадный.

Покоя не ведал я и зернышка не давал

Из жадности, хоть бы был в огонь я повергнут,

Пока не сразил меня предопределенный рок

Его ниспослал мне бог, творец и создатель.

И если уж суждена кончина мне скорая,

Не в силах я отразить ее изобильем.

Нет пользы от воинов, которых я набирал,

Ни друг, ни соседи мне тогда не помогут.

Всю жизнь утомлен я был, путем своим шествуя,

Под сенью погибели, и в легком и в трудном.

К другому перед зарей вернется она опять,

Носильщик когда придет к тебе и могильщик.

В деть смотра увидишь ты Аллаха наедине,

Под ношей твоих грехов, злодейств и проступков,

Так пусть не обманет жизнь тебя с ее роскошью

Смотря, что вершит она с семьей и соседом".

И когда услышал эмир Муса эти стихи, он заплакал горьким плачем, так что его покрыло беспамятством, а очнувшись, он вошел под купол и увидел там длинную могилу, ужасающую на вид, а на ней доску из китайского железа. И шейх Абд-ас-Самад подошел к этой доске и стал читать, и вдруг видит, на ней написано: "Во имя Аллаха, вечного, бесконечного, не имеющего конца! Во имя Аллаха, который не рождает и не рожден, и не равен ему никто! Во имя Аллаха, обладателя величия и власти!

Во имя живого, который не умирает!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх Абд-ас-Самад прочел то, о чем мы упомянули, и увидел, что после этого на доске написано: "А после славословия: о достигший этих мест, поучайся, видя превратности времени и удары случайностей, и не дай себя обмануть жизни с ее роскошью, ложью, клеветой, обманом и украшениями; она льстива, коварна, и обманчива, и все, что есть в ней, взято взаймы. Она отбирает занятое у занимающего, и подобна она пучкам видений спящего и грезам грезящего, и точно марево она в равнине, которое сочтет жаждущий за воду. Украшает ее шайтан для человека до смерти его. Вот каковы свойства земной жизни; не доверяй же ей и не питай к ней склонности: она обманывает того, кто на нее опирается и в делах своих на нее полагается. Не попадайся в силки ее и по цепляйся за подол ее. Я обладал четырьмя тысячами рыжих коней и дворцом и женился на тысяче девушек из дочерей царских, полногрудых дев, подобных луне, и осталась мне тысяча сыновей, подобных хмурым львам, и прожил я жизни тысячу лет, нежась умом и сердцем, и собрал деньги, добыть которые бессильны цари земные, и думал я, что счастье продлится без конца, но не успел я очнуться, как низошла к нам Разлучительница наслаждений и Разрушительница собраний, опустошающая жилище и разрушающая населенные дома, уничтожающая больших и малых, детей, сыновей и матерей. И жили мы в этом дворце спокойно, пока не постиг нас приговор господа миров, господа небес и господа земель, и поразил нас вопль явной истины, и стало умирать из нас каждый день двое, пока не погибло нас великое множество. И когда увидел я, что смерть вошла в дома наши и поселилась у нас и утопила нас в море гибели, я призвал писца и велел ему написать эти стихи и назидания и увещания и вывел их, с циркулем, на этих воротах, досках и могилах. А было у меня войско в тысячу тысяч поводьев и крепких людей с копьями и кольчугами, железными мечами и сильными руками, и приказал я им надеть ниспадающие кольчуги, и повязать режущие мечи, и прикрепить ужасающие копья, и сесть на горячих коней, и когда поразил нас приговор господа миров, господа земель и небес, я сказал им: "О люди, воины и солдаты, можете ли вы отразить то, что снизошло ко мне от царя покоряющего?" И не было у воинов и солдат для этого силы, и сказали они: "Как будем мы сражаться с тем, кого не заграждает заграждающий, с обладателем ворот, у которых нет привратника?" И молвил я: "Принесите мне деньги!" (а было их тысяча колодцев, в каждом колодце по тысяче кинтаров червонного золота, и были там разные жемчуга и драгоценности и столько же белого серебра и сокровищ, собрать которые бессильны цари земли). И сделали это, и когда деньги принесли ко мне, я спросил: "Можете ли вы спасти меня всеми этими деньгами и купить мне на них один день, который я проживу?" И не могли они этого и подчинились судьбе и предопределению, и я был терпелив, ради Аллаха, к приговору и испытанию, пока не взял Аллах моей души и не поселил меня в гробнице. А если ты опросишь о моем имени, то я - Куш, сын Шеддада, сына Ада-старшего".

И на этой дороге были написаны еще такие стихи:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Коль вспомните меня через много лет вы,

Превратности когда друг друга сменят,

То я – Шеддада сын, людей владыка,

И всей земли со всякою страною.

Послушны мне врагов отряды мощные,

И Шам, и Миср, вплоть до земли Аднана [493]

Я был велик, царей их унижал я,

И жители земли меня боялись.

Племена я видел и войск отряды в руках моих,

И страх внушал я городам и людям.

И, садясь верхом, я видеть мог, что солдат моих

На спинах конских тысяча есть тысяч.

Я владел деньгами, числа которых счесть нельзя,

Копил я их на случай перемены,

И мне думалось, будто выкуплю всем богатством я

Мой дух и жизни срок назначу новый.

Все отверг господь, и свою лишь волю исполнил он,

И теперь один я, лишен друзей и братьев,

И пришла ко мне смерть разлучница и снесла меня

Из дома славы в лоно униженья.

Я увидел все, что свершил я раньше, и вот теперь

Я – залог за это и сам всему виновник.

Береги себя, когда будешь ты на краю могил,

Пути превратностей остерегайся".

И заплакал эмир Муса, и его покрыло беспамятством, когда увидел он, как погибали эти люди. И ходили потом они по дворцу и рассматривали ею залы и места прогулок, и вдруг увидели они столик на четырех ножках из мрамора, на котором было написано: "Ели за этим столом тысяча царей одноглазых и тысяча царей с здоровыми глазами, и все они покинули сей мир и поселились в могилах и гробницах". И записал эмир Муса все это и вышел, не взяв с собой из дворца ничего, кроме этого столика.

И воины двинулись, а шейх Абд-ас-Самад шел впереди их и указывал ям дорогу, и прошел весь этот день, и второй, и третий и вдруг оказались они у высокого холма. И посмотрели они на него и увидели на нем всадника из меди, и на конце его копья было широкое сверкающее острие, которое едва не похищало взора, и было на нем написано: "О тот, кто прибыл ко мне, если ты не знаешь дороги, ведущей к медному городу, потри руку этого всадника: он повернется и остановится. В какую сторону он обратится, в ту и иди, и пусть не будет на тебе страха и стеснения. Эта дорога приведет тебя к медному городу..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот семидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда эмир Муса потер руку дудника, он повернулся, точно похищающая молния, и обратился не в ту сторону, в которую они шли. И они повернули в эту сторону и пошли, и оказалось, что там настоящая дорога. И они пошли по ней и шли весь день и всю ночь, и пришли далекие страны. И однажды они шли и вдруг увидели столб из черного камня и в нем существо, которое погрузилось в землю до подмышек, и было у него два больших крыла и четыре руки два из них – как руки людей, а две – как лапы льва, с когтями. И на голове у него были волосы, как конский хвост, и было у него два глаза, подобные углям, и третий глаз, на лбу, как глаз барса, и в даем сверкали огненные искры, и было это существо черное и длинное, и оно кричало: "Слава господу моему, который судил мае это великое испытание и болезненную пытку до дня воскресения!"

И когда люди увидали его, их разум улетел, и они оторопели при виде облика этого существа и повернулись, обратившись в бегство, и тогда эмир Муса оказал шейху Абд-ас-Самаду: "Что это такое?" – "Я не знаю, что это", – ответил шейх. И эмир сказал ему: "Подойди к нему ближе и расследуй, в чем с ним дело. Может быть, он объяснит, что с ним, и, быть может, ты узнаешь, какова его повесть". – "Да направит Аллах эмира! Мы боимся его", – отвечал шейх. И эмир сказал: "Не бойтесь его; то, что с ним случилось, удерживает его от вас и от других".

И шейх Абд-ас-Самад подошел к существу и сказал ему: "О человек, как твое имя, в чем с тобой дело и кто положил тебя в это место в таком виде?" – "Что до меня, – отвечало существо, – то я – ифрит из джиннов, и имя мое – Дахиш сын аль-Амаша. Меня удерживает здесь господнее величие; и я заточен всемогуществом и буду подвергнут пытке до тех пор, пока хочет этого Аллах, великий и славный!" – "О шейх Абд-ас-Самад, спроси его, по какой причине он заточен в этом столбе", – сказал эмир Муса. И шейх спросил ифрита об этом.

И тот оказал: "Моя повесть удивительна. У одного из детей Иблиса был идол из красного сердолика, и я был поставлен сторожить его. А ему поклонялся царь из царей моря, высокий саном и великий значением, который вел за собой солдат из джиннов тысячу тысяч, и они бились перед ним мечами и отвечали на его зов при бедствиях. А джинны, которые повиновались ему, были под моей властью и подчинялись мне, следуя моему слову, когда я им приказывал, и все они не были послушны Сулейману, сыну Дауда (мир с ними обоими!). А я входил внутрь идола и приказывал и запрещал им. А дочь того царя любила этого идола, часто падала перед ним ниц и предавалась поклонению ему, и была она прекраснейшей из людей своего времени, обладательницей красоты, прелести, блеска и совершенства. И я описал ее Сулейману (мир с ним!), и он послал к ее отцу, говоря ему: "Выдай за меня твою дочь, сломай твоего идола из сердолика и засвидетельствуй, что нет бога, кроме Аллаха, и Сулейман – пророк Аллаха. Если ты это сделаешь, тебе будет то, что будет нам, и против тебя будет то, что против

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
нас, а если ты откажешься, я приду к тебе с войсками, против которых у тебя не будет силы. Готовь же на вопрос ответ и надень облачение для смерти. Я пряду к тебе с войсками, которые наполнят пустыню и сделают тебя подобным вчерашнему дню, который миновал".

И когда пришел к царю посланец Сулеймана (мир с ним!), царь стал нагл и высокомерен и превознесся в душе своей и возгордился и спросил своих везирей: "Что скажете вы о деле Сулеймана, сына Дауда? Он прислал ко мне, требуя мою дочь, и хочет, чтобы я сломал моего сердоликового идола и принял бы его веру". – "О вели"кий царь, – отвечали везири, – может ли Сулейман сделать с тобой это, когда ты посреди этого великого моря? Если он придет к тебе, он не сможет тебя одолеть: отряды из джиннов будут за тебя сражаться, и ты призовешь на помощь твоего идола, которому ты поклоняешься; он поможет тебе против Сулеймана и окажет тебе поддержку, и правильно будет, если ты посоветуешься об этом с твоим господом (а они подразумевали идола из красного сердолика) и выслушаешь, каков будет его ответ. Если он посоветует тебе сражаться с Сулейманом, сражайся с ним, а если нет, так нет".

И тогда царь пошел в тот же час и минуту и вошел к своему идолу, принеся сначала жертву и зарезав животных, и пал перед идолом ниц и стал плакать, говоря:

"О господи, я силу твою знаю,

А Сулейман разбить тебя желает,

О господи, ищу твоей поддержки!

Приказывай – приказу я послушен!"

И говорил ифрит, половина которого была в столбе, шейху Абд-ас-Самаду, а окружавшие его слушали: "И я вошел во внутренность идола, по своей глупости и малому разуму, не задумываясь о деле Сулеймана, и стал говорить такие стихи:

"Что до меня, мне Сулейман не страшен,

Ведь обо всех делах осведомлен я.

Коль хочет он войны, то выхожу я,

И дух его намерен я похитить".

И когда услышал царь мой ответ, его сердце ободрилось, и он решил воевать с Сулейманом, пророком Аллаха (мир ему!), и с ним сражаться, и когда пришел посланец Сулеймана, царь побил его болезненным боем и отвечал ему отвратительным ответом и послал Сулейману угрозы, говоря ему через посланца: "Твоя душа внушила тебе мечтания! Станешь ли ты угрожать мне ложными словами? Или ты придешь ко мне, или я приду к тебе". И посланец вернулся к Сулейману и осведомил его обо всем, что с ним было и досталось ему.

И когда услышал это пророк Аллаха Сулейман, его охватил сильный гнев, и поднялась в нем решимость, и собрал он свои войска из джиннов, людей, зверей, птиц и пресмыкающихся и велел везирю своему ад-Димиринту, ларю джиннов, собрать джиннов-маридов из всех мест, и тот собрал ему шестьсот тысяч шайтанов. И велел Сулейман Асафу, сыну Барахии, собрать свои войска из людей, и было количество их тысяча или больше. И приготовил он доспехи и оружие и сел во главе своих войск из джиннов и людей на ковер, и птицы летели над его головой, и звери бежали под ковром, пока не спустился он во владениях царя и не окружил его острова, наполнив землю войсками..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят первая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит говорил: "Когда расположился пророк Аллаха Сулейман (мир с ним!) со своими войсками вокруг острова, он послал к нашему царю, говоря ему:

"Вот я пришел, отрази же от себя то, что тебя постигло, или войди ко мне в подчинение, признай, что я – божий посланник, разбей своего идола, молись единому, которому поклоняются, выдай за меня твою дочь законным образом и скажи ты сам и те, кто с тобою: "Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Сулейман – пророк Аллаха". Если ты это окажешь, будет тебе пощада и благополучие, а если откажешься, не защитит тебя от меня то, что ты укрепился на этом острове, ибо Аллах (да будет он благословен и возвеличен!) повелел ветру повиноваться мне и приказал ему принести меня к тебе на ковре, и сделаю я тебя назиданием и примером для других".

И пришел к нашему царю посланец и сообщил ему слова пророка Аллаха Сулеймана (мир с ним!), и ответил ему царь: "Нет пути к тому, что он от меня требует! Уведоми его, что я выхожу к нему". И вернулся посланец к Сулейману и передал ему такой ответ. А потом царь послал к жителям своей земли и собрал из джиннов, бывших под его властью, тысячу тысяч и присоединил к ним других – маридов и шайтанов, которые на морских островах и на вершинах гор; и снарядил свои войска и открыл хранилища оружия и роздал его им. Что же касается пророка Аллаха Сулеймана (мир с ним!), то он расставил свои войска и приказал зверям разделиться на две части и стать справа от людей и слева от них и велел птицам быть на островах, приказав им при нападении выкалывать глаза людей клювами и бить их по лицам крыльями, а зверям он велел рвать коней, и все ему отвечали: "Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о пророк Аллаха!"

И потом Сулейман, пророк Аллаха, поставил для себя ложе из мрамора, украшенное драгоценными камнями и выложенное полосками из червонного золота, и поставил своего везиря Асафа, сына Барахии, на правой стороне, а везиря своего ад-Димврията – на левой стороне и царей людей – от себя оправа, а царей джиннов – от себя слева, а зверей, ехидн и змей – впереди себя, и они напали на нас единым нападением, и мы бились с Сулейманом на широком поле в течение двух дней, и пала на нас беда в день третий, и исполнился над нами приговор Аллаха великого.

А первый, кто напал на Сулеймана, был я, во главе моих войск. И я оказал моим соратникам: "Стойте на своих местах, а я выйду к ним и потребую боя с ад-Димириятом". И вдруг он выступил ко мне, подобный большой горе, и огни его полыхали, и дым его поднимался вверх. И он подошел и бросил в меня огненную стрелу, и стрела его одолела мой огонь, и закричал он на меня великим кратком, и представилось мне, что небо на меня упало, и задрожали от его голоса горы. А затем он приказал своим людям, и те бросились на нас, как один человек, и мы бросились на них, и стали мы кричать друг на друга, и поднялись огни, и взвился вверх дым, и сердца едва не разрывались, и стала битва на ноги, и птицы начали сражаться в воздухе, и звери сражались на земле, а я бился с ад-Димяриятом, пока он не обессилил меня и я не обессилил его.

А после этого я ослаб, и мои люди и воины оставили меня, и побежали мои дружины, и закричал пророк Аллаха Сулейман: "Возьмите этого великого притеснителя, злосчастного и гнусного!" – и понеслись люди на людей, и джинны на джиннов, и пало на нашего царя поражение, и стали мы добычей для Сулеймана. И войска его напали на наших воинов, окруженные зверями справа и слева, и птицы летали над нашими головами, вырывая людям глаза то когтями, то клювами, или ударяли их по лицу крыльями, а зверя рвали коней и терзали людей, пока большинство из них не оказалось на земле, и были они подобны стволам пальм. А что до меня, то я полетел перед ад-Димириятом, и он преследовал меня на расстоянии трех месяцев пути, пока не догнал, и я пал, как вы видите..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят вторая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала пятьсот семьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что джинн, который был в колбе, рассказывал свою историю с начала и до тех пор, пока его не заточили в столбе. И его спросили: "Где дорога, ведущая в медный город?" И он показал дорогу в город, и оказалось, что между ними и городом двадцать пять ворот, но ни одни из них не видны, и от них нельзя найти следа, и по виду они подобны куску горы или железа, вылитого в форму. И люди спешились, и сошли с коня эмир Муса и шейх Абд-Самад, и стали они стараться найти в городе ворота или обнаружить туда путь, но не достигли этого.

И тогда эмир Муса сказал: "О Талиб, какова хитрость, чтобы войти в этот город? Мы непременно должны узнать, где ворота, чтобы войти в них". - "Да направит Аллах эмира! - воскликнул Талиб. - Пусть эмир отдохнет дня два или три, и если захочет Аллах великий, мы придумаем хитрость, чтобы проникнуть в этот город и войти туда". И тогда эмир Муса велел кому-то из своих слуг сесть на верблюдов и объехать вокруг города: может быть, он найдет след ворот или местоположение дворца в том месте, где они остановились, и один из слуг эмира сел и ехал вокруг города два дня с ночами, ускоряя ход и не отдыхая, а когда наступил третий день, он приблизился к своим товарищам, оторопев от того, что увидел, какие стены длинные и высокие, и сказал: "О эмир, самое легкое место - то место, в котором вы находитесь".

И эмир Муса взял с собой Талиба ибн Сахля шейха Абд-ас-Самада, и они поднялись на гору напротив города, которая возвышалась над ним, и, поднявшись на эту гору, они увидели город, больше которого не видали глаза.

Дворцы его были высоки, и купола в нем уносились ввысь, и дома были хорошо построены, и реки текли, и деревья были плодоносны, и сады расцвели, и был это город с крепкими воротами, пустой, потухший, где не было ни шума, ни человека. Повсюду в нем свистели совы, и птицы царили над дворами его, и вороны каркали на улицах города и площадях, плача о тех, кто был там.

И эмир Муса остановился, скорбя о том, что город лишен жителей и не имеет обитателей и населения, и воскликнул: "Слава тому, кому не изменяет судьба и время, творящему тварей по своему могуществу!"

И когда он восхвалял Аллаха (велик он и славен!), вдруг бросил он взор в какую-то сторону и увидел семь досок из белого мрамора, которые блестели издали. И он подошел к ним, и оказалось, что они нарезаны и покрыты надписями. И тогда эмир велел прочитать то, что было на них написано, и шейх Абд-ас-Самад подошел и вгляделся в надписи и прочитал их, и оказалось, что это увещания и назидания и предостережения для тех, кто обладает проницательностью. И на первой доске было написано греческим почерком: "О сын Адама, как небрежен ты к тому, что перед тобою! Тебя отвлекли от этого лета и годы, но разве не знаешь ты, что чаша гибели для тебя наполнена и вскоре ты ее проглотишь? Посмотри же за собой, прежде чем войти в могилу. Где те, что царили над землями и унижали рабов и вели войска? Поразила их, клянусь Аллахом, Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, Опустошительница населенных жилищ, и перенесла их из простора дворцов в теснины могил".

А внизу доски было написано:

"Где ныне цари и то, что в мире построили,

Покинули то они, что строили на земле.

В могиле они лежат залогом за дело их,

И тлеют они в земле, бесславно погибшие.

Где войско, что защитить не может, бессильное?

Где то, что накоплено и собрало на земле?

Пришло к ним веление их господа быстрое

Богатство их не спасет, поддержки ни в чем им нет".

И эмир Муса обеспамятел, и слезы потекли по его щекам, и он воскликнул: "Клянусь Аллахом, поистине, в отказе от благ мира - крайняя степень божьей поддержат и предел правоты!" И он велел принести чернильницу и бумагу и списал то, что было на первой доске, а затем он подошел ко второй доске, и вдруг оказалось, что на ней написано: "О сын Адама, да не соблазнит тебя извечная безначальность и да не заставит тебя забыть о наступлении срока! Не знаешь ты разве, что сей мир-обитель гибели и ни для кого нет в нем вечного пребывания, а ты взираешь на него и предаешься его утехам. Где цари, которые населили Ирак и царили над горизонтами, где те, что населили Исфахан и земли хорасанские? Позвал их вестник гибели и ответили они ему, и воззвал к ним вестник уничтожения, и воскликнули они: "Мы здесь!" Не помогло им то, что они построили и воздвигли, и не защитило их то, что они собрали и приготовили".

А внизу доски были написаны такие стихи:

"Где ныне те, что построили и воздвигли

Эти горницы, которым нет подобных?

Они воинов и солдат собрали, страшась вкусить

Унижение от их господа, и унизились.

Где теперь Хосрои, чьи крепости неприступны так?

Мир оставили, как будто их и не было",

И заплакал эмир Муса и воскликнул: "Клянусь Аллахом, мы сотворены для великого дела!" - а затем он записал то, что было на доске, и приблизился к третьей доске..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят третья ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что эмир Муса приблизился к третьей доске и увидел, что там написано: "О сын Адама, ты предаешься любви к здешнему миру и пренебрегаешь велением твоего господа! Каждый день жизни твоей проходит, и удовлетворен ты этим и доволен. Приготовь же запас для дня возвращения и готовься дать ответ меж рук господа рабов!"

А внизу доски были написаны такие стихи:

"Где ныне тот, что застроил земли когда-то все,

И Синд [494] и Хинд, и был врагом-притеснителем?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Абиссинцы, зииджи [495] послушны были словам его,

И нубийцы также, и гордым был и кичливым он.

Не жди же ты вестей о том, что в могиле с ним:

Не бывать тому, чтобы нашел об этом ты вестника!

Поражен он был смерти гибельной превратностью,

Не спас его дворец, ему построенный".

И эмир Муса заплакал сильным плачем, а затем он приблизился к четвертой доске и увидел, что на ней написано: "О сын Адама, на сколько даст тебе отсрочку твой владыка, когда ты погружен в море развлечений? Благо всякого дня принадлежит тебе, пока не помрешь ты. О сын Адама, пусть не обманывают тебя дни и ночи и часы развлечений с их беспечностью! Знай, что смерть тебя подстерегает и на плечи к тебе залезает; не проходит дня, чтобы не приветствовала она тебя утром и не желала тебе доброго вечера; остерегайся же ее нападения и готовься к ней. Я как будто вижу тебя, когда погубил ты свою жизнь и извел наслаждения бытия; послушай же моих слов и положись на владыку владык! Нет у земной жизни устойчивости, и подобна она жилищу паука".

А внизу доски он увидел такие стихи:

"Где строитель высот земных, что воздвиг их,

И построил ряд крепких стен и возвысил?

Где те люди, что в крепости прежде жили?

Удалились, как путники, что расстались.

И залогом лежат в земле до минуты,

Когда будут испытаны тайны сердца.

Будет вечен один господь наш (велик он!),

И присущи все милости ему вечно".

И заплакал эмир Муса и записал все это и сошел с горы, и предстала земная жизнь пред его глазами.

И когда пришел он к своим воинам, они провели этот день, придумывая хитрость, чтобы войти в город, и сказал эмир Муса своему везирю Талибу ибн Сахлю и приближенным, окружавшим его: "Какова будет хитрость, чтобы нам войти в этот город и посмотреть на его диковинки? Может быть, мы найдем в нем что-нибудь, что приблизит нас к желанию повелителя правоверных?" И сказал Талиб ибн Сахль: "Да сделает Аллах вечным благодействие эмира! Мы устроим лестницу и взберемся на нее; может быть, мы достигнем ворот изнутри". - "Это приходило мне на мысль, и прекрасно такое мнение!" - отвечал эмир Муса.

И затем он позвал плотников и кузнецов и велел им выровнять бревна и сделать лестницу, покрытую железными пластинками. И они сделали ее, и изготовили как следует, и просидели за работой целый месяц, и люди собрались вокруг лестницы и поставили ее и придвинули к стене вплотную, и она пришлась как раз вровень с нею, как будто была сделана для этого раньше. И эмир Муса удивился и воскликнул: "Да благословит вас Аллах! Вы как будто примеряли ее к стене, так хорошо вы ее сработали!" А потом эмир Муса сказал своим людям: "Кто из вас поднимется по этой лестнице, взберется по ней на стену и пройдет и ухитрится опуститься вниз в город, чтобы посмотреть, как обстоит дело, а затем расскажет нам, как открыть ворота?" И кто-то сказал: "Я влезу, о эмир, и опущусь и открою ворота". И эмир Муса воскликнул: "Полезай, да благословит тебя Аллах!"

И этот человек полез на лестницу и добрался до самого верха, а затем он встал на ноги и, устремив глаза в город, захлопал в ладоши и вскрикнул во весь голос: "Ты прекрасен!" - и бросился внутрь города, и мясо его смешалось с костями. И эмир Муса воскликнул: "Вот поступок разумного, каков же будет поступок безумного? Если мы сделаем то же со всеми нашими товарищами, не останется из них никого, и мы не будем в силах исполнить то, что нам нужно и нужно повелителю правоверных. Отъезжайте, нет нам нужды до этого города!" И кто-то сказал тогда: "Может быть, другой будет устойчивее?" И поднялся второй человек, и третий, и четвертый, и пятый, и они влезали по этой лестнице на стену один за другим, пока не пропало из них двенадцать человек, и все делали то же, что первый.

И сказал тогда шейх Абд-ас-Самад: "Нет для этого дела дикого, кроме меня, и опытный не таков, как неопытный!" Но эмир Муса воскликнул: "Не делай этого! Я не дам тебе влезть на эту стену, так как, если ты умрешь, ты будешь причиной смерти всех нас, и не уцелеет из вас никто; ты ведь наш проводник". - "Может быть, то, что нам нужно, произойдет благодаря мне, по воле великого Аллаха", - сказал шейх Абд-ас-Самад. И все люди сошлись на том, что он должен лезть, и шейх Абд-ас-Самад встал и подбодрил себя и со словами: "Во имя Аллаха, милостивого, милосердного" - стал подниматься по лестнице, поминая великого Аллаха и читая стихи спасения. И он достиг верхушки стены и захлопал в ладоши и устремил глаза в город, и люди все вместе закричали ему: "О шейх Абд-ас-Самад, не делай, не бросайся вниз! - и восклицали: - Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Если шейх Абд-ас-Самад упадет, мы все погибли!" А шейх Абд-ас-Самад засмеялся громким смехом и просидел долгое время, поминая великого Аллаха и читая стихи спасения, а потом он встал на ноги и закричал во весь голос: "О эмир, с вами не будет беды! Аллах (велик он и славен!) отвратил от меня козни шайтана и ухищрения его, по благословению слов: "Во имя Аллаха милостивого, милосердного!" И эмир спросил его:

"Что ты видел, о шейх?" И шейх ответил: "Когда я оказался на верхушке стены, я увидел десять девушек, подобных лунам, которые..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят четвертая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх Абд-ас-Самад говорил: "Когда я оказался на верхушке стены, я увидел десять девушек, подобных лунам, которые делали мне руками знаки: "Подойди к нам!" - и мне представилось, что подо мною море воды. И я хотел броситься вниз, как сделали наши товарищи, но увидел, что они мертвы, и удержался от этого и стал читать кое-что из книги Аллаха великого, и отвратил Аллах от меня козий этих девушек, и они ушли, и я не бросился вниз, и Аллах защитил меня от их козней и чар. Нет сомнения, что это - колдовство и ловушка, которую устроили жители этого города, чтобы защитить его от тех, кто захочет к нему приблизиться и пожелает в него проникнуть. А вон напои товарищи лежат мертвые".

И затем он дошел по стене до медных башен и увидел перед ними двое золотых ворот, на которых не было замков, и ничто не указывало, как их открыть, и шейх постоял, сколько хотел Аллах, и, всмотревшись, увидел посреди ворот изображение медного всадника с протянутой рукой, которой он как будто на что-то указывал, к на руке была какая-то надпись, и шейх Абд-ас-Самад прочитал ее и увидел, что она гласит: "Потри гвоздь в лупке этого всадника двенадцать раз - ворота откроются".

И тогда он осмотрел всадника и увидел у него в пупке гвоздь, хорошо сделанный, основательный и крепкий, и потер его двенадцать раз, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
ворота тотчас же распахнулись с шумом, подобным грому.

И шейх Абд-ас-Самад вошел в ворота (а это был человек достойный, знавший все языки и почерка) и шел до тех пор, пока не вошел в длинный проход. Он спустился из него по ступенькам и увидел помещение с красивыми скамьями, на которых лежали мертвые люди, и в головах у них были роскошные щиты, отточенные мечи, натянутые луки и стрелы, наложенные на тетивы, а за воротами находились железные дубины и деревянные засовы и тонко сделанные замки и разные крепкие орудия.

И шейх Абд-ас-Самад сказал про себя: "Может быть, ключи у этих людей", - а затем он осмотрелся и вдруг заметил старца, по виду старейшего из них годами, который лежал на высокой скамье среди мертвецов. "Почем знать, не находятся ли ключи от города у этого старца?

Может быть, он - привратник города, а эти люди ему подвластны", сказал шейх Абд-ас-Самад, и, приблизившись к старцу, он приподнял его одежду и увядал, что ключи висят у него на поясе. И, увидев ключи, Абд-асСамад обрадовался великой радостью, и его ум от такой радости едва не улетел. А потом шейх Абд-ас-Самад взял ключи и, подойдя к воротам, отпер замки и потянул ворота, засовы и другие орудия и замки открылись, и ворота распахнулись с громовым шумом, так как они были велики и ужасны я снабжены огромными запорами. И тут шейх Абд-ас-Самад воскликнул: "Аллах велик!" - м вое повторили за ним этот возглас и обрадовались и возвеселились.

И эмир Муса обрадовался, что шейх Абд-ас-Самад опасен и ворота города открылись, и все начали благодарить шейха за то, что он сделал. И воины поспешили войти в ворота, и эмир Муса крикнул на них и сказал: "О люди, если мы войдем все, то не будем в безопасности от какого-нибудь случая! Пусть входит половина и остается сзади половина!" И эмир Муса вошел в ворота, и с ним половина его людей, которые несли военные доспехи, и воины увидели своих товарищей мертвыми и похоронили их, и увидали привратников, слуг, царедворцев и наместников, лежавших на шелковых коврах, и все они были мертвые. И они вошли на главный городской рынок и увидели рывок огромный, с высокими постройками, ни одна из которых не возвышалась над другими, и лавки были открыты, и весы повешены, и медь стояла рядами, и ханы были полны всяких товаров, и увидели воины, что купцы лежат подле лавок мертвые, и у них высохла кожа, и сгнили кости, и стали они назиданием для всех, кто поучается.

И еще увидели воины четыре особых рынка, где лавки были полны богатств. И сначала они пошли на шелковый рынок и увидели там разноцветные шелка и парчу, затканную червонным зелотом и белым серебром, но владельцы ее были мертвы и лежали на кожаных коврах и только что не говорили. И воины оставили их и ушли на рынок драгоценных камней, жемчуга и яхонтов и, покинув его, пошли на рынок менял и увидели, что они мертвы и под ними всевозможные шелка и парча и лавки их полны золота и серебра. И они оставили их и пошли на рынок москательщиков и увидели, что лавки их полны всевозможных благовоний и мешочков мускуса, и амбры, и алоэ, и недда, и камфары, и прочего, но все люди там мертвые, и у них нет ничего съестного.

И потом воины ушли с рынка москательщиков и увидели возле него разукрашенный и крепко построенный дворец и, войдя туда, увидали там развернутые знамена и обнаженные мечи и натянутые луки я щиты, подвешенные на серебряных и золотых цепях, и шлемы, покрытые червонным золотом, а в проходах дворца стояли скамейки из слоновой кости, украшенные пластинками из яркого золота и покрытые парчой, а на них лежали люди, у которых кожа высохла на костях, и невнимательный счел бы их спящими, но они умерли от отсутствия пищи и вкусили гибель.

И эмир Муса остановился, прославляя Аллаха великого и святя его имя, и смотрел, как красив этот дворец, как крепки его постройки и как диковинно он сделан, прекрасен обликом и умело выстроен. Он был обильно разрисован зеленой лазурью, и по стенам его были написаны такие стихи:

"Ты оком взгляни на то, что видишь, о сильный муж.

И будь осторожен ты, пока не пустился в путь.

Запасы ты приготовь благие, чтобы спастись;

Ведь все, кто в домах живет, когда-нибудь тронутся.

Взгляни ты на тех людей, что дом свой украсили,

И вот за дела свои залогом в земле лежат.

Нет пользы от зданий им, которые строили,

И деяния их не спасли, как кончился жизни срок.

Надеялись все на то, что не было суждено,

Но в землю они ушли, и нет от надежд добра,

С высот их величия и сана сошли они

К позору теснин могильных - дурно жилище их!

И слышали они крик, когда схоронили их

"Где царственный ваш престол, венцы и одежды где?

Где лики тех девушек, что были сокрытыми

За плотной завесою, о ком поговорки шли

Ответил на это прах могил вопрошающим

"С ланит их ушли давно все розы прекрасные.

Не мало они в дни они съели и выпили,

Но после прекрасных яств их; может в могиле червь".

И эмир Муса так заплакал, что лишился сознания, а потом он приказал записать это стихотворение. И он во шел во дворец..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят пятая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что эмир Муса вошел во дворец и увидел большую залу и четыре просторные высокие комнаты, одну напротив другой, поместительные и расписанные золотом и серебром разного

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
цвета, и посреди залы был большой мраморный бассейн, и над ним возвышался парчовый шатер, и в комнатах были уголки, в которых находились богато украшенные бассейны и выложенные мрамором водоемы, а под полом комнат текли потоки, и эта четыре потока бежали и сливались в большом бассейне, выложенном разноцветным мрамором.

И эмир Муса сказал шейху Абд-ас-Самаду: "Войдем в эти комнаты!" И они вошли в первую комнату и нашли, что она полна золота, белого серебра, жемчуга, драгоценных камней, яхонтов и дорогах металлов, и увидели там сундуки, наполненные красной, желтой и белой парчой. И затем они перешли во вторую комнату и открыли там кладовую, и оказалось, что она полна оружия и военных доспехов: раззолоченных шлемов, Давидовых кольчуг, индийских мечей, хеттских копий и хорезмских палиц и всевозможных других доспехов для боя и сечи.

А потом они перешли в третью комнату и нашли там много кладовых, на которых висели замки, скрытые за занавесками, расписаннымн всевозможными вышивками, и, открыв одну кладовую, они увидели, что она полна оружия, разукрашенного золотом и серебром и всякими драгоценными камнями. А оттуда они перешли в четвертую комнату и увидели там много кладовых и, открыв одну из них, обнаружили, что она полна сосудов для еды и питья из всевозможного золота и серебра, и там находятся хрустальные миски и бокалы, украшенные свежим жемчугом, и сердоликовые чаши и прочее.

И они стали брать из этого то, что им годилось, и всякий воин унес сколько мог. А когда они решили уходить из этих комнат, они увидели дверь из тека, в которой была вделана слоновая кость и черное дерево, и эта дверь, выложенная полосками из яркого золота, находилась посреди дворца, и перед ней была опущена шелковая занавеска, украшенная всякими вышивками, и были на ней замки из белого серебра, которые открывались хитростью, без ключа. И шейх Абд-ас-Самад подошел к замкам и отпер их своим уменьем и смелостью и превосходством, и люди прошли выложенный мрамором проход, по сторонам которого были повешены занавески с изображением разных зверей и птиц, и все они были сделаны из червонного золота и серебра, а глаза у них были из жемчуга и яхонта, и всякий, кто их видел, впадал в недоумение. И воины прошли в роскошно отделанную залу, и, увидав ее, эмир Муса и шейх Абд-ас-Самад были поражены ее отделкой. И они прошли через нее и увидели комнату, отделанную полированным мрамором и украшенную драгоценными камнями, так что смотрящий мог вообразить, что по мрамору течет вода, и если бы кто-нибудь пошел по нему, он непременно бы поскользнулся.

И эмир Муса приказал шейху Абд-ас-Самаду накинуть что-нибудь на этот мрамор, чтобы по нему можно было ходить, и шейх сделал это и так ухитрился, что люди прошли. И они увидели в этой зале большой купол, выстроенный из камней, покрытых червонным золотом, прекратив с которого люди не видали среди того, что видели. А под этим куполом был большой великолепный свод из мрамора, вокруг которого были окна, разрисованные и украшенные, с решеткой из изумрудных прутьев, какой не мог иметь никто из царей. И под куполом стоял парчовый шатер, поставленный на подпорках из червонного золота, а в шатре были птицы, с ногами из зеленого изумруда и под каждой птицей находилась сетка из свежего жемчуга, протянутая над бассейном. А у бассейна стояло ложе, украшенное жемчугом, драгоценными камнями и яхонтом, и на ложе покоилась девушка, подобная незакрытому солнцу, прекрасней которой не видели видящие. Она была в одеждах из свежего жемчуга, на голове у нее был венец из червонного золота и повязка из драгоценных камней, а на шее - драгоценное ожерелье, посреди которого сверкали яркие камни, и на лбу у нее были два камешка, издававшие свет, подобный свету солнца. И казалось, что эта девушка смотрит на людей и оглядывает их справа и слева..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят шестая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло меня, о счастливый царь, что когда эмир Муса увидал эту девушку, он до крайности удивился ее красоте и смутился, видя ее прелесть и румянец ее щек и черноту волос, и смотрящему, думалось, что она в живых, а не мертвая. И он сказал ей: "Мир с тобою, о девушка!" И Талиб ибн Сахль воскликнул: "Да исправит Аллах твое дело! Знай, что эта девушка мертвая, и нет в ней духа; как же она ответит на приветствие?" И потом Талиб ибн Сахль оказал: "О эмир, это - изображение, мудро придуманное; ей вынули глаза, когда она умерла, и положили под них ртуть, а потом глаза вставили на место, и они блестят и как будто движутся под ресницами, и кажется смотрящему, что девушка мигает глазами, а она мертвая". - "Хвала Аллаху, который покарал рабов смертью!" - воскликнул эмир Муса.

А у ложа, на котором лежала девушка, были ступеньки, и на ступеньках стояли два раба: один - белый, а другой - черный, и у одного в руке было оружие из стали, а в руке другого был меч, украшенный драгоценными камнями, который похищал взоры. И была перед рабами золотая доска с надписью, которую можно было прочесть, и она гласила: "Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Слава Аллаху, творцу человека, господину господ, первопричине всех причин! Во имя Аллаха, вечного, бесконечного, во имя Аллаха, определяющего судьбу и приговор! О сын Адама, как неразумен ты, долго питая надежду, и как забываешь ты о наступлении срока! Не знаешь ты разве, что смерть тебя уже позвала и спешит, чтобы схватить твой дух? Будь же готов к отбытию и запасись благами мира: через малое время ты его покинешь. Где Адам, отец людей, где Нух и его потомство, где цари Хосрои и Кесари, где цари Хинда и Ирака, где цари стран земных, где амалекиты, где великаны? Свободны стали от них земли, и покинули они семью и родных. Где цари арабов и неарабов? Все они умерли и превратились в тлен. Где господа, обладатели сана? Все они умерли. Где Карун и Хаман, где Шеддад, сын Ада, где Канааи и Обладатель кольев? Срезал их, клянусь Аллахом, срезающий жизнь и освободил от них землю. Приготовили ли они запас для дня возвращения и готовы ли ответить господу рабов? О ты, ест ты меня не знаешь, то я осведомлю тебя о моем имени и происхождении. Я Тирмиз, сын дочери царей амалекитов, тех, что были справедливы на земле, и владел я тем, чем не владел никто из владык, и был справедлив при приговоре и творил суд правый среди людей и давал и одарял. Я прожил долгое время радостной и приятной жизнью и отпускал невольниц и рабов, пока не поразил меня удар гибели и де опустилась предо мною беда. Сменились над нами семь лег, в которых не сошло на нас воды с неба и не росла для нас трава на лице земли, я съели мы бывшую у нас пищу, а затем принялись за животных, ходящих по земле, и съели их, и ничего у нас не осталось. И тогда я велел принести деньги и, намеряв их мерой, послал с верными мужами, и они обошли все страны, не пропустив ни одного города, в поисках какой-нибудь пищи и не нашли ее. И они вернулись к нам с деньгами после долгой отлучки, и тогда мы выставили наши богатства и сокровища и заперли ворота крепостей, которые в нашем городе, и отдались на суд господа, вручив наше дело владыке. И мы умерли, как ты видишь, и покинули то, что выстроили и накопили. Вот какова наша повесть, и после самого дела остается лишь след его".

И воины посмотрели на нижнюю часть доски и увидели, что там написаны такие стихи:

"Адама сын, пусть надежд игрушкой не будешь ты,

Ведь все, что руками накопил ты, покинешь ты.

Я вижу, что жаждешь ты благ мира и роскоши,

Искали и прежде их ушедшие первые.

Они добывали деньги правдой и кривдою,

Но нет от судьбы защиты, если окончен срок.

Бели они воинов, толпой собирая их,

Но, деньги оставив и достройки, ушли они.

В теснины могильных плит и в прах они брошены

Залогом лежат они теперь за дела свои,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Подобные путникам, что кинули кладь свою

В ночной темноте у дома, где угощенья нет,

И молвил хозяин: "Нет, о люди, стоянки вам

В сем доме, седлайте же, хоть вы и сложили кладь",

Не радостен ни привал для них, ни отъезд теперь,

И в страхе все путники, и сердце трепещет их,

Готовь же запасы ты, чтоб завтра быть радостным,

Лишь в страхе перед господом нам следует действовать",

И заплакал эмир Муса, услышав эти слова, и прочитал дальше: "Клянусь Аллахом, страх божий - начало всех дел и доказательство истины и крепкая опора, и поддано, смерть - явная истина и несомненное обещание. В смерти, о человек, - возврат и возвращение. Поучайся же на примере тех, кто сошел раньше тебя во прах, и спеши на путь возврата. Не видишь ли ты, что седина к могиле тебя призывает и белизна волос твоих о кончине тебе возвещает? Будь же бдителен и готов к отъезду и расчету. О сын Адама, как жестоко твое сердце и как заблуждаешься ты относительно твоего господа! Где люди, бывшие прежде - назидание для поучающихся? Где цари Китая - люди гнева и мощи? Где Ад ибн Шеддад и то, что он возвел и построил? Где Нимруд, который был горд и заносчив? Где фараон, который отверг и отступил от веры? Всех их покорила смерть, не оставив от них следа, и не пощадила она ни малого, ни великого, ни мужчины, ни женщины: срезал их жизнь срезающий и ночь да день нанивающий. Знай, о пришедший к этому месту, о тот, кто видел нас, что не должно соблазняться ничем из земной жизни и суеты ее. Она - коварная обманщица, обитель гибели и соблазна, и счастье рабу, который помнит свои прегрешения и боится своего господина и хорошо поступает при сделке и приготовила запас для дня возвращения. Пусть тот, кто войдет в наш город и достигнет его и кому облегчит Аллах вступление в него, берет из богатств его что может, но пусть не дотрагивается он ни до чего, что на моем теле: это - покров для моей срамоты и снаряжение мое против земной жизни. Пусть же убоится он Аллаха и не похищает с меня ничего: он сам себя погубит. Я сделала это л моим советом и поручением, которое я ему доверяю, и конец. Я прошу Аллаха, чтобы избавил он вас от злых бедствий и недугов..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят седьмая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав эти слова, эмир Муса заплакал горьким плачем и лишился чувств, а очнувшись, он велел записать все то, что увидел, и извлек поучение из того, чему был свидетелем. А затем он сказал своим людям: "Принесите мешки и наполните их этим богатством и сосудами и редкостями и драгоценными камнями". И Талиб ибн Оахль сказал эмиру: "О эмир, разве оставишь ты эту девушку и то, что есть на ней? Это ведь - вещи, которым нет подобных, и ни в какое время не найти равных им. Они дороже того, что ты взял из денег, и будут лучшим подарком, которым приблизишься ты к повелителю правоверных". - "О такой-то, - воскликнул эмир Муса, - разве не слышал ты, что завещала девушка на этой доске? Больше того, она сделала это поручением, нам доверенным, а мы не из людей обмана". - "Неужели мы оставим подобные богатства и драгоценные камни? - воскликнул Талиб. - Девушка мертва, и что она будет с этим делать, когда это - украшение земной жизни и красота для живых? Ты накроешь эту девушку одеждой из хлопчатой бумаги, и мы имеем больше прав, чем она, на ее богатство".

И затем он подошел к лестнице и поднимался по ступенькам, пока не оказался между столбами и не очутился между теми двумя рабами, что стояли на ступеньках, и вдруг один из них ударил его по спине, а другой ударил его мечом, бывшим у него в руке, и снес ему голову.

И Талиб упал мертвый, и эмир Муса воскликнул: "Да не помилует Аллах твоего смертного ложа! Этих денег было достаточно, и жадность, нет сомнения, смеется над испытывающим ее!" И он велел воинам входить, и те вошли и нагрузили верблюдов этими богатствами и благородными металлами, а потом эмир Муса приказал им запереть ворота, как раньше. И люди пошли по берегу и подошли к высокой горе, которая возвышалась над морем, и было в ней много пещер.

И вдруг они увидели там черных людей, покрытых кожами, и на голове у них были кожаные бурнусы, и речь их была непонятна, и, увидав воинов, эти люди испугались и бросились бежать в пещеры, а их женщины и дети остались стоять у входа. "О шейх Абд-ас-Самад, - спросил тогда эмир Муса, - что это за люди?" И шейх ответил: - "Это те, кого ищет повелитель правоверных".

И воины остановились и разбили палатки и сложили богатства, и не успели они усесться, как царь чернокожих спустился к горе и подошел к войску. А он знал по-арабски и, подойдя к эмиру Мусе, приветствовал его, и эмир возвратил ему приветствие и оказал ему почет.

И царь чернокожих опросил эмира Мусу: "Вы - из людей или из джиннов?" И эмир Муса ответил: "Что до нас, то мы - из людей, вы - так, несомненно, джинны, ибо вы уединились да этой горе, отдаленной от всех тварей, и огромны телом". - "Нет, - отвечал царь чернокожих, - мы - народ из людей, дети Хама, сына Нуха (мир с ним!), а что касается до этого моря, то оно называется аль-Каркар". - "Откуда у вас энание, когда к вам не приходил пророк, получивший откровение?" - опросил эмир Муса. И царь ответил: "Знай, о эмир, что к нам является из этого моря человек, источающий свет, который озаряет края земли, и он кричит голосом, слышным для далекого и близкого: "О дети Хама, устыдитесь того, кто видит и кого не видят, и скажите: нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед - посол Аллаха! Я Абу-льАббас аль-Хидр!" А мы прежде этого поклонялись одному из нас, и призвал нас аль-Хидр к поклонению господу рабов".

И затем царь чернокожих оказал эмиру Мусе: "И альХидр научил нас словам, которые мы говорим". И эмир Муса спросил: "А что это за слова?" И царь ответил: "Нет бога, кроме Аллаха, единого, не имеющего товарищей; ему принадлежит власть и ему приличествует слава; он оживляет и умерщвляет, и он властен во всякой вещи". И мы приближаемся к Аллаху только такими словами и не знаем других; и каждую ночь в пятницу мы видим свет на лице земли и слышим голос, который кричит: "Преславный, пресвятой господь ангелов и духа! Что хочет Аллах, то бывает, а чего не хочет он, того не бывает! Всякое благо - по милости Аллаха, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!"

И сказал тогда ему эмир Муса: "Мы - люди царя ислама, Абд-аль-Мелика ибн Мервана, и пришли мы из-за кувшинов, которые у вас, в вашем море, а в них заточены шайтаны со времен Сулеймана, сына Дауда (мир с ними обоими!). Царь приказал нам принести их несколько, чтобы он мог на них посмотреть и взглянуть на них". - "С любовью и удовольствием!" - отвечал царь черных.

А затем он угостил эмира мясом рыб и велел ныряльщикам выловить в море несколько Сулеймановых кувшинов, и они извлекли двенадцать кувшинов. И эмир Муса и шейх Абд-ас-Самад и воины обрадовались, что победило дело повелителя правоверных. И потом эмир Муса подарил царю черных много подарков и одарил его богатыми дарами, и царь черных одарил эмира Мусу подарками из морских чудес, имевших вид сынов Адама, и сказал: "Вас угощали в эти три дня мясом таких рыб". - "Мы обязательно должны взять с собой сколько-нибудь из них, чтобы посмотрел на них повелитель правоверных, - это больше ему понравится, чем Сулеймановы кувшины", - сказал эмир Муса, и затем они простились с царем черных и шли, пока не достигли стран Сирии.

И они вошли к повелителю правоверных Абд-аль-Мелику ибн Мервану, и эмир Муса рассказал ему обо всем, что он видел, и обо всех стихах, рассказах и назиданиях, которые ему довелось услышать, он сообщил ему историю Талиба ибн Сахля. И повелитель правоверных воскликнул: "О, если бы я был с вами я видел то же, что вы!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И затем он взял кувшины и стал открывать кувшин за кувшином, и шайтаны выходили из них и говорили: "Прощение, о пророк Аллаха, мы никогда не вернемся к подобным делам!" И удивился халиф всему этому. А что касается до морских дев, которыми их угощал царь чернокожих, то для них сделали деревянные водоемы и наполнили их водой и положили туда дев, и они умерли от сильной жары. А затем повелитель правоверных велел принести деньги и разделил их между мусульманами..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят восьмая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Абд-аль-Мелик ибн Мерван, увидев кувшины и то, что в них было, удивился до крайней степени. Он велел принести деньги и разделил их между мусульманами и сказал: "Никому не даровал Аллах того, что даровал ее Сулейману, сыну Дауда!".

И затем эмир Муса попросил повелителя правоверных, чтобы он назначил его сына вместо него правителем подвластных ему стран, а сам он мог бы отправиться в Иерусалим священный, чтобы поклониться там Аллаху, и повелитель правоверных назначил его сына, а эмир Муса отправился в Иерусалим священный и умер там. И вот часть того, что дошло до нас из рассказа о медном городе, полностью, а Аллах знает лучше.